

Г. П. МЯГКОВ, Н. И. НЕДАШКОВСКАЯ

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ:
РАЗРЫВЫ ТРАДИЦИИ КАК СХОЛАРНЫЕ ПРАКТИКИ
НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИИ МЕДИЕВИСТИКИ
И СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В КАЗАНИ***

В статье на материале истории медиевистики и славяноведения в Казани рассматривается процесс формирования провинциальных научных школ, реконструируются специфические схолярные практики, через которые «несложившаяся» провинциальная научная школа воспроизводит научную традицию и осуществляет продуктивную деятельность.

Ключевые слова: научное сообщество, школа, схолярные практики, столичная / провинциальная наука, историография.

Нарративные схемы историографии провинциальных научных школ сложились уже во второй половине XIX века¹. Большинство из них, а priori принимая оппозицию «столичная / провинциальная наука»², базировалось на именах «больших» ученых, чья причастность жизнедеятельности провинциальных университетов служила и обоснованием научной легитимности, и основой историографического повествования, результатом которого стали тексты, по сути, «законсервировавшие» историю науки. Таким образом, вместо истории людей историографы XX века получили в наследство «музеи» или «некрополи» интеллектуалов, надолго скрывшие механизмы формирования, воспроизведения и трансформации профессиональных научных сообществ.

Если посмотреть с точки зрения данной историографической традиции на историю научных школ медиевистики и славяноведения в Казанском университете, перед исследователем сама собой сложится пози-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта № 10-01-00403а «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в Новое время».

¹ Репина. 2001; Корзун. 2000; Вишленкова. 2001.

² Корзун. 1995; Корзун. 1997.

тивная картина «развития» указанных дисциплин, которая и была вербализована в юбилейных «историях» университета, начиная с изданий XIX века. Однако этот нарратив буквально рассыпается, если проследить историю науки как историю научных школ³ – нарративная схема «эволюции» науки оказывается в жестком противоречии с «результатом»: ни одна из научных школ не сложилась как цельное и признанное сообщество⁴. Остановимся на основных вехах и именах этой истории, что позволит реконструировать своеобразие схолярных практик, свойственных провинциальной научной корпорации, и объяснить внешне парадоксальный ход истории науки.

История медиевистики в учебных заведениях Казани берет свое начало с их основания, когда она начала преподаваться как часть всеобщей истории⁵. В первой трети XIX в. средневековая история не выделялась в отдельную отрасль: поскольку специализация всеобщей истории еще не произошла, средним векам уделялась роль некоего переходного периода между древностью и новым временем. Социальный контекст страха перед европейской «гидрой революции» также не способствовал изменению статуса медиевистики, тем более в провинции. Институциональные изменения начинаются с момента выделения медиевистики в конце 1830-х гг., наряду с древней и новой, в качестве субдисциплины всеобщей истории. Возрастающая научная значимость отраслей последней привела в начале 1830-х гг. к отделению древней истории в Казанском университете, а во второй половине 1830-х – к разделению средней и новой истории. В 1850-е гг. становится очевидным подъем уровня преподавания и научных исследований античности, что было обусловлено приездом преподавателей из столичных учебных заведений,граничными командировками. Однако медиевистики это не коснулось, главным образом из-за отсутствия специалистов. Это подтверждают и кандидатские сочинения студентов Казанской духовной академии: в 1840-е гг. они носили характер философских рассуждений. Тематика общегражданской истории не пользовалась популярностью, больше всего представлялось работ по догматическому и нравственному богословию, а также литургике, гомилетике, патрологии и миссионерству.

³ Мягков. 2000.

⁴ Мягков. 2000; Мягков, Макарова (Недашковская). 2006. Мягков, Хамматов. 2007.

⁵ См. подробнее: Хамматов. 2003.

Во второй половине XIX в. заметен подъем интереса к медиевистике, как в средней, так и в высшей школе. Изменения, внесенные в 1877 г. в гимназическую программу 1872 года, по которой история средневековья преподавалась в тесной связи с русской, привели к более детальной разработке систематического курса по средневековью. Кроме того, он был дополнен вопросами по византийской и славянской истории.

Статус медиевистики в Казанском университете начинает меняться с появлением на кафедре всеобщей истории Н. А. Осокина. Его почти 30-летнее пребывание на факультете составило эпоху в истории университета⁶. Профессор Н. А. Осокин был автором первых серьезных трудов по средневековью, которые касались истории Италии, Франции, а также церкви и ересей. Его «История альбигойцев и их времени» стала вкладом в отечественную историографию. Осокина интересовала и средневековая история славян, и большинство тем, предложенных им студентам, – из этой области истории. Профессор И. Н. Смирнов, его ученик, также заявил о себе на научном поприще работами по истории славян⁷. Все свидетельствовало о том, что в лице Осокина в Казани появился ученый, способный встать в один ряд со столичными профессорами. Но увлечение общественной деятельностью не позволили ему этого сделать. И. Н. Смирнов, одно время читавший лекции по истории средневековья, позже увлекся этнографическими исследованиями. Приглашение ученика столичных профессоров В. Г. Васильевского и Н. И. Кареева Э. Д. Гримма⁸ также не изменило заданного вектора и не способствовало формированию научной школы в области медиевистики как устойчивого сообщества, которое имело тенденции к долгожительству в науке.

В Казанской духовной академии условий для оформления школы тоже не сложилось: преподавание оставалось догматико-теоретическим до середины 1850-х гг., когда академическое образование стало получать историческое направление. Даже в области богословских и философских наук преобладали темы исторического и критического характера. Серьезное преподавание медиевистики в Казанской духовной академии связано с появлением С. А. Предтеченского, который был специально подготовлен по истории средневековья. Постепенно средневековая тема

⁶ См.: Ягудин. 1998.

⁷ См.: Гибадуллина. 2008.

⁸ См.: Хамматов. 1997.

тика занимает прочное место в трудах ученых академии, разумеется, с церковным уклоном. Наиболее крупные исследования – «Христианство у готов» Д. Беликова, «Развитие влияния папского престола на дела западных церквей до конца IX века» Предтеченского, «Антитринитариизм XVI века» Е. Будрина – внесли вклад в изучение церковной истории средневековья. Вообще для казанских ученых в работах по медиевистике характерно обращение к истории церкви и ересей, поскольку данная проблематика могла успешно вписаться в имперский проект освоения и управления окраинами, в реализации которого духовная академия как учебный и научный центр (то есть как институт конструирования общественного сознания), находящийся «на рубеже» инородческих территорий, могла и должна была принимать активное участие.

Плодотворная деятельность российских историков второй половины XIX в. стимулирует расцвет медиевистики уже в начале XX в. и в казанских учебных заведениях. В истории отечественной медиевистики «вторичность» провинциальных институций фиксируется, таким образом, даже чисто хронологически. Новый этап ее развития в Казанском университете начинается с появлением на кафедре всеобщей истории профессора В. К. Пискорского, первого отечественного испаниста. Он обеспечил исследования и преподавание в области медиевистики на уровне достижений российской и европейской науки того времени⁹. Благодаря практическим занятиям Пискорского возрастает интерес у студентов к средневековой тематике, большое внимание уделяется изучению источников. Стала возможна специализация молодых ученых по истории средневековья. Некоторые впоследствии стали крупными медиевистами (Н. П. Грацианский). В Казани Пискорский продолжил работу над начатым в Нежине в 1902 г. переводом Салической правды и ввел этот памятник в круг семинарских занятий студентов. В 1906 г. им были изданы «Документы, относящиеся к истории цехов». Улучшению преподавания способствовали созданные в начале XX столетия учебно-вспомогательные подразделения – кабинет для практических занятий по всеобщей истории и библиотека. Сыграло значительную роль и развитие российского византиноведения. В университете византийской историей занимались, в основном, преподаватели теории и истории искусств (Д. В. Айналов) и греческой словесности (Д. Ф. Беляев, С. П. Шестаков).

⁹ Мягков Г. П., Хамматов Ш. С. 2003.

Их работы затрагивали, главным образом, культурную историю Византии. Искусствоведческий характер носят исследования Айналова, преимущественно источниковедческими трудами известен Шестаков, кроме того, он является автором курса по истории Византии. «Byzantina» Д. Ф. Беляева стала вкладом в изучение византийских древностей. Главный труд профессора Духовной академии Ф. А. Курганова был посвящен соотношению светской и духовной власти в Византии. Казанские ученые внесли свой вклад в развитие российского византиноведения.

Таким образом, в XIX в. в формировании научной школы медиевистики Казанского университета внешние разрывы, обусловленные социальными контекстами, сыграли решающую роль. Отсутствие специалистов в этой отрасли исторического знания (ни немецкие профессора, ни Г. С. Суровцев, Н. А. Иванов, М. И. Славянский, читавшие курс, не являлись «всеобщими историками»), отсутствие ярких личностей, подобных Т. Н. Грановскому, не способствовало разворачиванию процесса школообразования, но повлекло за собой многократное воспроизведение ситуации «призвания варягов» и интеграции «чужих» научных традиций, т.е. постоянного обновления. На этой основе в начале XX в. сложились условия для формирования научной школы в области всеобщей истории благодаря профессорам В. К. Пискорскому и М. М. Хвостову, М. В. Бречкевичу, которые воспитали плеяду ученых (Н. П. Грацианский, Г. П. Денике, В. Т. Дитякин, А. Г. Муравьев, С. П. Сингалевич, В. Ф. Смолин и др.), имевших большой схолярный потенциал.

Наибольшими шансами превратить традицию в школу обладал первый воспитанный в Казани медиевист Н. П. Грацианский, в становлении которого особую роль сыграл В. К. Пискорский. Грацианский воспринял и через всю жизнь пронес убеждение своего учителя, что «только первоисточники науки и именно в подлинных документах могут подготовить учащуюся молодежь к серьезному научному труду, к труду сознательному и воспитать в молодежи идейную привязанность к той или иной науке»¹⁰. И это, подчеркнем, одновременно и завет, и традиция, которой старались следовать медиевисты Казани в XX веке.

Работа на семинарах определила для Грацианского круг научных интересов. В отчетах о занятиях он значился в числе отличившихся студентов. В 1908 г. им была написана работа «Парижские ремесленные

¹⁰ Журнал Министерства народного просвещения. 1910. Октябрь. С. 56.

цехи в XIII–XIV столетиях». Высоко оцененная Пискорским, удостоенная золотой медали¹¹, работа рекомендовалась к опубликованию в «Ученых записках»¹², но была издана как монография. Автор посвятил ее «памяти Дорогого Учителя, Профессора Владимира Константиновича Пискорского»¹³. Это было первое в России локальное исследование средневекового цехового строя. Став преподавателем, Грацианский также особое внимание уделяет проведению практических занятий. На них разбирались документы эпохи Карла Великого, римские и раннесредневековые источники¹⁴. В 1912 / 1913 учебном году практические занятия были посвящены изучению «Салической правды». Именно для них был задуман и осуществлен в сотрудничестве с А. Г. Муравьевым перевод этого важнейшего документа на русский язык. В бытность профессорским стипендиатом молодой ученый переносит центр своих интересов в область аграрных отношений средневековья. Критически оценивая схематические построения медиевистов Запада, Грацианский опять берет курс на исследование локальной истории, основанной на «новой переоценке относящегося сюда материала источников». Свою исследовательскую программу он реализует, обратившись к теме «Бургундская деревня в X–XI столетиях»¹⁵. Но работая в Казани, Грацианский понимал, что выполнение задуманного в России связано с большими трудностями, прежде всего с отсутствием собраний памятников, многих исследований. Поэтому он, по установившемуся порядку, ходатайствовал о предоставлении заграничной командировки. Командировка была запланирована с 1 июля 1915 г., но в связи с началом Первой мировой войны была заменена на поездку в 1916 г. в столицы России с предоставлением права немедленно, по окончании военных действий, выехать за границу.

Итак, перед нами вполне позитивная история, включающая в себя и «большие» имена, и процесс складывания научной традиции. Однако формирование школы медиевистики в Казанском университете, несмотря на наличие всех необходимых условий, так и не завершилось – как в

¹¹ См.: УЗ КУ. 1908; НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11564а. Л. 298об.

¹² НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2140. Л. 12.

¹³ *Грацианский*. 1911. С. 3.

¹⁴ НА РТ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 70. Л. 33.

¹⁵ Результатом стала книга (М., 1935), в которой анализ аграрного строя, по оценке О. Л. Вайнштейна, был дан «во всех его аспектах» и «исчерпывающим образом» использован материал первоисточников. *Вайнштейн*. С. 355.

силу субъективных (своеобразие судеб тех или иных историков), так и в силу объективных – внешних причин (резкий перелом в развитии исторической науки после Октября 1917 г.).

Чтобы деконструировать этот парадокс историографии, необходимо определить природу разрывов традиции, поскольку они не вели к деградации данной научной отрасли. Школа на протяжении всей своей истории находилась в стадии становления, и потому деятельность профессоров способствовала превращению Казанского университета в достаточно заметный научный и интеллектуальный центр России. Перед нами – цепочка «внешних» (в результате интенций вне школы) разрывов научной традиции, которые стали латентными схолярными практиками. Обусловленные социальными, внешними контекстами, через «отрицание» – практики разрывов поддерживали притяжение новых личностей и необходимость поиска новых форм научной деятельности. Однако история казанских научных центров дает материал и для наблюдений за внутренними разрывами, которые, имея совершенно иной механизм, также работали как школообразующие практики, хотя процесс школообразования так и не доходил до своего логического конца.

Объект медиевистики – западноевропейская история средних веков, стал частью исследовательского пространства еще одной дисциплины – славяноведения, науки, провозгласившей междисциплинарный методологический синтез¹⁶ базовым принципом своего существования. Совпадающие исследовательские поля во многом объединили исследователей, сделали невозможными четкие дисциплинарные границы, что дает возможность рассматривать историю славистики и как часть истории медиевистики, и в рамках развития всеобщей истории.

В Казанском университете славяноведческие исследования начинаются с момента открытия специальной кафедры (1842) и приглашения В. И. Григоровича (1815–1873) – ученика и последователя академика А. Х. Востокова, основоположника сравнительно-исторического изучения славянских языков и российской версии славяноведения. Исследованиями Григоровича по славянскому языкознанию было раскрыто значение церковнославянского языка для изучения других славянских языков, а также ключевые вопросы происхождения глаголицы и славянского письма вообще. Его сравнительная история славянских литератур

¹⁶ Macura V. 1983.

стала единственным образцом последовательного применения сравнительного метода в нелингвистическом обобщающем труде. Григорович также стоял у истоков исторического славяноведения в Казанском университете. В Казанской духовной академии ученый осуществил один из первых в России текстологических проектов, результатом которого стало вышедшее через несколько десятилетий многотомное Описание славянских рукописных памятников Соловецкой библиотеки¹⁷, под общей редакцией его ученика, профессора, члена-корреспондента Академии наук И. Я. Порфирьева. Путешествие в славянские земли стало научным подвигом Григоровича: он был первым ученым, которому, с риском для жизни, удалось проникнуть в чужой до того времени и во многом враждебный европейцам «славянский мир», находившийся под турецким владычеством, и собрать обширные сведения о состоянии ряда славянских языков и диалектов. Им были уточнены географические карты «славянских земель», до этого весьма приблизительные, а также открыты уникальные памятники древней славянской письменности (глаголическое Мариинское Евангелие и др.). Путешествие принесло Григоровичу и большую европейскую славу – звание «русского Шафарика».

Биографический нарратив об исследователе¹⁸ включает в себя истории, зафиксированные в мемуарах коллег и учеников, некрологи (эта группа источников традиционно считается наиболее субъективной и подчиненной законам жанра), биографические очерки, и, наконец, научные биографии, которые могут существовать самостоятельно или как часть «истории» определенного периода развития науки. Как же распределились названные факты и оценки по данным группам источников?

Мемуары учеников и коллег Григоровича создают тот самый положительный именно для славяноведения образ. О своеобразии педагогической деятельности, научных взглядах, стиле общения Григоровича писали И. Красноперов, К. Лаврский, В. Лаврский, И. Смирнов, А. Овсянников, А. Гацисский, В. Модестов, Д. Корсаков, М. Петровский, И. Порфирьев. В их воспоминаниях обычно оказываются неразделимыми характеристики Григоровича-ученого и Григоровича-профессора. Перед нами предстает образ подвижника науки, человека монашеского склада, способного, однако, щедро делиться с окружающими своими

¹⁷ Порфирьев, Вадковский, Красносельцев. 1881; 1885; 1898.

¹⁸ См.: Ретина. 2001; Вишленкова. 2001.

духовными дарами. «С ним было даже страшно говорить о науке, несмотря на всю его младенческую кротость и самую утонченную вежливость... Всецело преданный науке, только одной науке, он в каждый данный момент, по какому угодно предмету, преподающемуся в историко-филологическом факультете, буквально засыпал своего собеседника данными, даже относившимися к специальной области последнего... Действие его на слушателей, даже в самую последнюю пору, было самое сильное: все его ближайшие слушатели, то есть люди, избравшие славянские наречия своей специальностью, любили его до страсти, до обожания. Он не только увлекал их восторженною преданностью к науке, но и учил их с таким мастерством, так скоро ставил их на ноги в своей области, что едва ли какой-либо другой русский профессор мог указать на такую живительную и непосредственную плодотворность своей преподавательской деятельности»¹⁹, – писал В. И. Модестов. Другой ученик Григоровича, А. Овсянников, вспоминал: «...его все любили, хотя об этой любви он не хлопотал. Он любил свою специальность и мало того – жил ей... Григорович сделался для меня идеалом ученого, каким остался на всю мою жизнь, мало того – и идеалом человека... Его жизнь была не жизнь, а житие, его труд был не труд, а подвиг»²⁰.

В биографических очерках и прочих больших историографических нарративах – другая картина. Крупнейшие славяноведы XIX в., принадлежащие к разным поколениям, начиная с современника Григоровича – академика И. И. Срезневского, создают образ ученого, который обладал обширными фактическими знаниями, большим потенциалом, но так и не состоялся в науке, не сказал своего особого значительного слова. Переходя из поколения в поколение, негатив все усиливался. В «Истории славянской филологии» И. В. Ягича глава, посвященная деятельности Григоровича в Казани и Одессе, получает название, ставшее впоследствии фразеологизмом: «В. И. Григорович: преподавательская деятельность; труды его не оправдали ожиданий...»²¹, причем эта фраза повторяется и в колонтитуле на протяжении всей главы. Именно этому фундаментальному историографическому труду мы обязаны закреплением концепции об отсутствии у Григоровича (и в Казани вообще) сла-

¹⁹ Модестов. 1884. С. 302.

²⁰ Овсянников. 1899. С. 368.

²¹ Ягич. С. 481.

вяноведческой школы²², хотя признаки схолярности, которые дает современное науковедение, здесь налично. «Русский Шафарик» оказался окончательно исключен из числа «героев» славяноведения.

Только при ознакомлении со всеми имеющимися источниками научной биографии Григоровича становится ясно, что герой историографического нарратива полностью заслони собой ученого и профессора В. И. Григоровича. Это одно из так называемых «темных мест» истории славяноведения, не поддающееся объяснению предвзятым отношением кого-либо из историографов. Представляется, что деконструировать его можно, только отойдя от традиционной схемы воссоздания хронологии достижений славистики и оценок исторической целесообразности ее культурных проектов. Вероятно, причины «снижения» образа ученого могут быть объяснены логикой развития этой, напомним, искусственно сконструированной науки. Вслед за Востоковым, создавшим метод только для славянского языкознания, уже в первых своих трудах Григорович сформулировал основные методологические принципы всего славяноведения как комплексной науки, изучающей типологически родственные славянские культуры.

Обратим внимание, что открытие славяноведческих кафедр в университетах само по себе еще не вело к решению важнейшей проблемы конструируемой науки. Дальнейшая судьба славяноведения во многом зависела от того, как представляли свои задачи сами будущие профессора. И их выбор оказался принципиально различным. О. М. Бодянский и И. И. Срезневский, на том этапе – этнографы и фольклористы по своим научным приоритетам, сразу отправились в научное путешествие в со-

²² В 2005 г. вышел обобщающий труд Л. П. Лаптевой «История славяноведения в России в XIX веке», где воспроизводится сложившаяся трактовка роли В.И. Григоровича в истории славяноведения, хотя обоснована она преимущественно внешними факторами: «несмотря на высокую образованность и на обладание уникальными источниками, ему не удалось создать школу своих последователей и воспитать большое число учеников, как первым славистам Московского и Петербургского университетов... Причиной малого интереса к славяноведению среди студентов Казанского университета была сама его атмосфера, его профессорская коллегия и многонациональный состав студентов, среди которых было много поляков, вынужденных учиться в провинциальных учебных заведениях ввиду сильных ограничений приема в столичные университеты...» (*Лаптева*. 2005. С. 230). Показательно, что при подробном изложении научной биографии ученого здесь отсутствует четкое заключение о научной значимости его трудов.

ответствии с предложенной министерством стратегией²³. Срезневский утверждал, что славяноведение не может на данном этапе выстроить свою методологию, необходимо прежде создать обширную источниковую базу. П. И. Прейс и В. И. Григорович попытались внести коррективы в программу подготовки к профессорству. Прейс считал необходимым в течение года перед поездкой изучать памятники церковнославянского языка в хранилищах Петербурга под руководством Востокова. Это позволило ему освоить метод сравнительного изучения языков, структурировать сведения по их истории. Однако впоследствии он отказался от попыток выстроить единую методологию. По свидетельству Срезневского, «предметом диссертации он избрал Богумильскую ересь»²⁴, т.е. пошел по пути специализации исследований, и только в преподавании им был выдержан принцип комплексного освещения истории и культуры славян²⁵. Наиболее длительной стала подготовка к путешествию Григоровича. Он прибыл в Казань в 1839 г., а выехал в славянские земли в 1844 г., подготовив за это время кандидатское и магистерское сочинения. Представленная них концепция славяноведения позволяет говорить, что этот период осознавался Григоровичем как принципиально необходимый. Его методологические поиски начинаются со славянского языкознания как сферы, определившей структуру всей славистики и обладающей сложившимся научным методом. Первое сочинение, представленное ученым в Совет факультета в 1840 г. – «Исследование о церковнославянском наречии, основанное на изучении его в древнейших памятниках, на исторических свидетельствах и отношении его к новейшим наречиям», не сохранилось. Из Отчета попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину от 6 января 1840 г.²⁶ становится понятной главная идея этого труда, а вместе с ним и данного этапа работы ученого. Григорович объясняет необходимость создания предварительной схемы будущего метода: «В настоящем состоянии изучения славянских языков и их литератур, ...когда доселе не удалось составить общих начал, по коим легко было бы обозреть всю массу не приведенных в порядок предметов, всякий убедившись в неопределенности и непрочности своей науки, по необходимости почувствует потребность искать если не

²³ См.: Срезневский. 1878. С. 1–2.

²⁴ Там же. С. 11. Рукопись диссертации П. И. Прейса утрачена.

²⁵ Там же. С. 10.

²⁶ Петровский. 1893 С. 12–13.

в сущности ее доселе совершенно неузнанной, то по крайней мере во внешних отношениях некоторую опору, на которой можно было бы основать весь ряд исследований и придать им последовательность»²⁷.

Ученый подчеркивает, что это суждение справедливо даже для сравнительного изучения славянских языков, поскольку не решен еще вопрос об основе сравнения – центральном наиболее древнем языке, в сопоставлении с которым будет выстраиваться сравнительная грамматика. При этом Григорович актуализирует идею Востокова об исторической изменчивости языков, в том числе церковнославянского: «...кто хочет изучать Церковнославянский язык, должен изучать его исторически, и обращать внимание на особенности, отличающие его в первом (IX–XIV вв.) и втором (XV–XVI вв.) периодах»²⁸. По мысли Григоровича, концепция не должна предшествовать исследованию, он ищет именно систему, которая определит цель, упорядочит частные наблюдения и поставит их на научную основу: «Конечно, это не будет изучение сравнительной грамматики славянских языков, которая должна основываться на общих данных уже законах, но будет некоторого рода приготовлением, исследованием, возможно ли и в чем состоят эти общие законы»²⁹.

Подводя итог «лингвистическому» этапу методологических поисков, ученый подчеркивает, что из методологического хаоса, господствующего в этой части гуманитарного знания возможен единственный выход – структурирование проблем изучения славянства вокруг некоего стержня (который он пока еще не в состоянии определить), сохраняющего единство славяноведения как науки. Исследователь особо указывает на необходимость изучения языков славян в единстве с историей этих народов, хотя последняя и не представляет собой искомый стержень, поскольку она также «подвержена... противуречащим себе взглядам» и «делается все запутаннее»³⁰. Таким образом складываются основные установки междисциплинарного синтеза³¹. В том же 1840 г. Григорович представляет в Совет «Краткое обозрение славянских литератур» в ка-

²⁷ Там же. С. 6.

²⁸ Там же. С. 8.

²⁹ Там же. С. 7.

³⁰ Там же. С. 15.

³¹ Понятие «методологический / междисциплинарный синтез» используется нами в том объеме, в котором оно представлено в работе: Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. 2002.

честве отчета. Затем в переработанном виде³² эта работа стала его магистерской диссертацией. Хотя предмет исследования ограничен историей славянских литератур, во введении к работе обобщаются методологические идеи, охватывающие весь комплекс дисциплин славяноведения.

Тезис о славянском единстве, славянской идентичности начинает работать как обоснование необходимости сравнительно-исторического изучения не только славянских языков, но и литератур, истории, этнографии, и на такой основе утверждается адекватность методологического синтеза в славистике. Задача дисциплин, составляющих славяноведение, по Григоровичу, – исследовать, «каким образом в нравственном мире сознание народов Словенских постепенно определяло себя: как оно достигало и достигает в своем развитии всемирного значения...» продиктовала необходимость «доискиваться связи между явлениями»³³.

Так выстраивается более четкая система будущих междисциплинарных исследований. Концептуальным стержнем, вокруг которого должно строиться изучение составляющих славянской культуры, для Григоровича становится славянское Просвещение как единство фактов языка, истории, культуры: «С появлением Христианства у Словен сопряжено собственное их появление в истории в более индивидуальном значении; от различного определения Христианизма в сознании Словен зависели все явления их духовной жизни, определялись их отношения к другим народам, решалась даже их судьба»³⁴. Славяне оказываются вписаны и в контекст всемирной истории. Ученый нашел возможным рассматривать всю историю литературы восточных, южных и западных славян с позиций единой периодизации, в рамках которой делается попытка подтвердить тезис о типологическом единстве развития культур славянских народов фактами истории литературы: «уразуметь, находятся ли признаки взаимности словенской на известных степенях их развития, выражают ли они в общем, в совокупности всех видов целого рода, одну мысль»³⁵. Показательно, что после публикации «Опыта изложения литературы словен...» Григорович отправляется в путешествие по славянским землям (1844–1847), т.е. исследовательский подход на данном этапе

³² См.: *Григорович*. 1843. Впервые опубликована в: УЗКУ. 1842. Кн. 3. С. 105–216; 1843. Кн. 4. С. 3–56.

³³ Там же. С. 6.

³⁴ Там же. С. 7.

³⁵ Там же.

представляется ему относительно сложившимся, а объект исследования – «славянский мир» – определенным.

Григорович, развивая идеи Востокова, предпринял попытку выстроить модель методологического синтеза, при котором славянские культуры в их историческом развитии становятся единым текстом, прочитываемым славяноведением с помощью инструментария целого ряда гуманитарных наук. Эта модель могла стать научной основой комплексных исследований славянского мира. Как показала история науки, славяноведение по этому пути не пошло, избрав стратегию накопления фактов и все большей специализации. Это развело в методологическом плане последующие поколения славяноведов с первоначальным проектом науки – славяноведческий комплекс сохранялся лишь на уровне декларации, придающей славистике особый идеологический интерес и позволяющей оставаться внутри процесса нациестроительства. Поэтому методологические идеи Григоровича – последователя Востокова, как и их практическая реализация в научных трудах, оказались не просто невостребованными, но породили мощный историографический негатив, что объясняет механизм «внутреннего» разрыва традиции как схолярной практики, при которой процесс школообразования идет через отрицание потенциальным лидером самой возможности школы.

После отъезда Григоровича из Казани в 1863 г.³⁶ его преемником в университете стал ученик профессора М. П. Петровский. Его работы были посвящены славянской диалектологии, истории славянских литератур, переводам со славянских языков. Невозможность расширять исследования, базирующиеся на средневековых источниках, Петровский (как и Григорович) объяснял сложностью предмета, требующего знания специфических, малоизвестных в России языков, и отсутствием в провинциальном университете необходимых источников и научной литературы по непопулярному у студентов предмету. Однако так «проговариваются» в источниках причины внешние. Внутренний разрыв традиции – момент разрыва Григоровича с Казанью, который произошел, когда ученый счел невозможным дальше бороться за утверждение школы. Он уезжает в новооткрывшийся университет не с целью изба-

³⁶ Это произошло в связи с неблагоприятной расстановкой сил в профессорской корпорации университета, которая ограничивала возможности развития и расширения славистических исследований, однако, решающим фактором был методологический кризис в самой славистике (см.: *Недашковская*. 2007.).

виться от связей со старой устоявшейся корпорацией, а в результате ставшего очевидным методологического кризиса славистики. Новое место позволяет ученому, оставаясь одиночкой, освоить совершенно новый корпус источников и быть ближе к изучаемому объекту. Показательно и то, что оставшийся в Казани Петровский значительную часть своих трудов посвятил комментированию и введению в научный оборот остававшихся непонятыми и недооцененными методологических идей своего учителя. Но и Петровский в итоге использует ту же стратегию: в 1885 г. он досрочно вышел в отставку и посвятил себя исключительно научной деятельности. Член-корреспондент Академии наук с 1895 г., заграничный член Чешской Академии наук, литературы и искусств императора Франца Иосифа с 1899 г., М. Петровский изучал славянскую диалектологию, переводил со славянских языков в стихах и прозе (около двухсот произведений), сотрудничал в славянофильской прессе, перевел «Историю сербохорватской литературы» И. В. Ягича, писал историографические работы (в том числе о В. И. Григоровиче)³⁷, издавал памятники славянской письменности, переписывался и сотрудничал с крупнейшими европейскими славяноведами.

После отставки Петровского Казанский университет остался на какое-то время без славяноведа, так как его ученик И. А. Снегирев, подготовивший диссертацию об одном из основателей славяноведения «Иосиф Добровский, его жизнь, учено-литературные труды и заслуги в области славяноведения»³⁸, был подвергнут резкой критике, диспут по его диссертации закончился неудачно, голоса разделились, степень присуждена не была. Год спустя Снегирев успешно защитил диссертацию в Санкт-Петербурге, уехал из Казани и впоследствии ушел из науки, хотя репутация молодого ученого и его учителя не подвергалась сомнению.

³⁷ Некоторые труды М. П. Петровского: Отчет о путешествии по славянским землям // УЗКУ. 1862. Кн. 2.; Образцы живой славянской речи// УЗКУ. 1864. Кн. 2.; Материалы для славянской диалектологии // УЗКУ. 1866. Кн. 4–5; 1867. Кн. 11; Старинное рассуждение о буквах, сиречь о словах. По рукописям библиотеки Казанского университета. СПб., 1888; Библиографические заметки о некоторых трудах В. К. Тредиаковского. Страничка к истории русского стихосложения. Казань, 1890; Виктор Иванович Григорович в Казани // Славянское обозрение. СПб., 1892. Т. 2; Первый ученый труд В. И. Григоровича. Варшава, 1893; Григорович и Прейс // ИОРЯС. 1897. Т. 2. Кн. 3. Подробнее о научной и преподавательской деятельности ученого: Макарова (Недашкова), Мягков. 2006.

³⁸ См.: Снегирев. 1882. (Отд. кн.: 1884).

До 1911 г. кафедрой занимал лингвист, ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ А. А. Александров. В 1911 г. Александров принял постриг и оставил славянскую филологию, а кафедру занял сын М. П. Петровского Нестор Мемнонович, в 1907 г. защитивший диссертацию на степень доктора славянской филологии («Первые годы деятельности В. Копитаря»). Научные традиции, заложенные Григоровичем в Казанском университете, таким образом, были вновь актуализированы. Нестор Петровский – автор более трехсот работ по истории славянских литератур и языков, историографии славяноведения³⁹, переводчик трудов зарубежных славяноведов и произведений славянских писателей. С 1907 г. Н. М. Петровский – профессор Казанского университета, с 1917 г. – член-корреспондент Российской Академии наук.

Итак, в истории российского славяноведения мы наблюдаем интереснейшее явление – два академика, два ярких ученых в одной семье, причем Нестор Мемнонович – одновременно ученик и преемник отца и совершенно самостоятельный, оригинальный ученый нового поколения, что можно проследить по трудам и хронологически. Он пришел учиться почти через десять лет после ухода отца из университета, в то же время, в период уже довольно зрелой деятельности Нестора отец активно печатает свои труды в российских и европейских научных изданиях. В связи с этим сравнение их взглядов на предмет и задачи науки, сопоставление некоторых исследовательских подходов позволяет не только выявить и проследить схолярные практики в истории славистики в Казанском университете, но и наблюдать процесс смены поколений, формирования науки нового века.

В истории славяноведения велика роль научных обществ, что обусловлено спецификой науки, которая активно существовала в надинституциональном общеславянском научном пространстве, «жила» научными контактами, обменом источниками и научным странничеством, поскольку в течение всего XIX века продолжался сбор зарубежных ис-

³⁹ Некоторые труды Н. М. Петровского: О сочинениях Петра Гекторовича (1487–1572). Казань, 1901; К хронологии проповедей Григория Цамблака // РФВ. 1903. № 1–2; Первые годы деятельности В. Копитаря. Казань, 1906; К истории сказаний о святых Кирилле и Мефодии // ЖМНП. 1907. №5; Копитарь и “*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*” Добровского // ЖМНП. 1911. № 10–12; Письмо патриарха Константинопольского Феофилакта царю Болгарии Петру // ИОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 3; Путешествие В. И. Григоровича в славянские земли // ЖМНП. 1915. № 10–12.

точников. В судьбе казанской славистики конца XIX – начала XX вв. Общество Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете стало пространством «внутренней эмиграции» научной школы.

Отношение отца и сына Петровских к ОАИЭ существенно различалось. Старший Петровский активно преподавал в Казанском университете и печатался, когда в Казани открылось общество. Однако мы не находим его имени ни среди членов-учредителей, ни на страницах Известий ОАИЭ. Нестор Петровский, в отличие от отца, уже в годы учебы печатает в Известиях несколько статей, а по окончании курса становится действительным членом Общества без баллотировки, так как «он уже достаточно известен Обществу своими научными трудами». Одновременно с приемом Нестор был избран в секретари и главные редакторы изданий Общества. В 1899 г. он снимает с себя обязанности секретаря (готовится к защите магистерской диссертации). В 1900 г. он снова избран в члены Совета Общества и до 1919 г. включительно оставался в нем. Обязанности Нестора Мемноновича включали в себя редактирование Известий общества, переписку, «благоустройство» коллекций. Он действительно был пожизненным членом общества: последнее выступление состоялось за полтора месяца до смерти.

Тематика докладов на заседаниях Общества и статей раскрывает широкий спектр интересов Н. М. Петровского: история (в том числе история Казани), археология, библиография, текстология, древние и новые славянские литературы, переводы трудов европейских славяноведов, которые становились «событием». В работе «О двух спорных чтениях в “Поучении” Владимира Мономаха»⁴⁰ Нестор Мемнонович демонстрирует технику интерпретации «темных мест» древних памятников, которая предвосхитила некоторые опыты комплексного анализа современных ученых (С. С. Аверинцев). Целая серия заметок, статей и переводов Петровского посвящена тому, чтобы привлечь внимание казанских ученых смежных дисциплин (сопоставительной лингвистики, истории, этнографии) к проблемам уточнения истории славянской хронологии по данным, полученным в Европе и Поволжье.

Первый и единственный биограф Петровских – Марианна Несторвна Петровская⁴¹ объясняла столь различное отношение к «общест-

⁴⁰ Петровский. 1901.

⁴¹ Петровская. О моих предках...

венной деятельности» разницей характеров отца и сына. Однако скромность, замкнутость, отсутствие карьерных устремлений Мемнона Петровича – недостаточная причина игнорирования Общества. Известно, что он входил в ряд зарубежных научно-просветительских славянских обществ, в Московский благотворительный славянский комитет. Участие выражалось во взносах, книгообмене и пр.⁴². Более 20-ти первых лет существования Общества М. П. Петровский активно работает и печатает статьи в Известиях ОАИЭ, публикует памятники в Русском Филологическом Вестнике, Журнале Министерства Народного Просвещения, Славянском обозрении (Славянском сборнике), Вестнике Европы, Православном собеседнике. Несоответствие интересов (исследования Мемнона Петровича меньше, чем у Нестора Мемноновича, связаны с историей края, тем более с основными направлениями археологии и этнографии) задачам Общества также нельзя считать исчерпывающим объяснением, так как текстологические работы печатались в ИОАИЭ.

Соответственно и большой интерес младшего Петровского к работе в Обществе не может объясняться ни отсутствием других возможностей печататься, ни просто активностью характера (хотя он действительно много работал – был председателем Пушкинского общества, сотрудничал в более чем тридцати периодических изданиях и т. д.).

Возможно, рациональное объяснение дает ситуация, сложившаяся в гуманитаристике: в период активной деятельности Н. М. Петровского в славяноведении вновь складываются условия для методологической рефлексии, которая должна была дать этой науке основания заново институализироваться в изменившихся условиях. Закономерным результатом специализации славяноведения стала потребность в интеграции уже на новых уровнях (не внутри одной дисциплины), и Н. М. Петровский в своей научно-общественной деятельности ищет к этому пути. Можно предположить, что старший Петровский, имея иной, негативный, опыт внутри сообщества и разделяя пессимистические прогнозы Григоровича в отношении судьбы восточного проекта, сознательно отстранялся от процесса строительства новой науки.

Со смертью Н. М. Петровского научные традиции, заложенные В. И. Григоровичем, окончательно прервались, ученик и последователь Петровского, А. М. Селищев, впоследствии крупный балканист, уехал

⁴² *Петровская. О моих предках...* С. 175–180.

из Казани. Очевидно, однако, что процесс школообразования шел здесь чрезвычайно продуктивно, давая промежуточные результаты: крупные исследовательские проекты (Описание Соловецких рукописей), учеников – носителей заявленной методологии и при этом самостоятельных состоявшихся ученых. Методологический конфликт внутри самой славистики в данном случае сыграл роль внутреннего разрыва традиции, который не столько работает как препятствие развитию школы, сколько инициирует методологическую саморефлексию («перепроверку себя»), не дает школе превратиться в статичный монолит и одновременно превращает причастных к научной традиции в круг избранных, особо посвященных. С одной стороны, результат схолярных практик данного типа – создание своей собственной идеологии (с культом основоположника – подвижника науки) и системы ценностей, с другой – постоянная тенденция к развитию «вопреки», отсутствие «балласта» в сообществе, мобильность и возможность говорить о самых острых методологических проблемах науки, без чего ее развитие невозможно.

Таким образом, история несложившихся научных школ медиевистики и славистики в Казани, с их направленным движением через внешние и внутренние разрывы традиции (что, очевидно, является специфической особенностью провинциальных научных сообществ), демонстрирует необходимость отойти от «прогрессивной» (эволюционной) модели процесса их формирования – их итоговая «несложность» не отрицает яркой истории их развития и присутствия в новой, антропологической истории науки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бердинских В. А.* Русская провинциальная историография второй половины XIX века. Москва; Киров, 1995. 320 с.
- Вайнштейн О. Л.* Историография средних веков. М.; Л.: Государственное соц.-эконом. изд-во, 1940. 376 с.
- Вишленкова Е. А.* Биографический нарратив: жертва прорыва к читателю // Сотворение истории. Человек Память Текст: Цикл лекций. Казань, 2001. С. 62–82.
- Грацианский Н.* Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях. Казань: типолитография Императорского ун-та, 1911. 348 с.
- Гибадуллина Н. М.-Н.* Всеобщая история в наследии И.Н. Смирнова // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ: Сб. статей Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора В. Е. Майера. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2008. С. 82–88.

- Григорович В. И. Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах. Казань, 1843. (Впервые опубликована в: УЗКУ. 1842. Кн. 3. С. 105–216; 1843. Кн. 4. С. 3–56).
- Корзун В. П. Культурные гнезда и традиции ситуационной историографии // Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни. Тезисы докладов III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1995. С. 66–68.
- Корзун В. П., Жук А. В., Ремизов А. В., Рыженко В. Г., Шепелева В. Б. Провинциальная наука: научные сообщества и их судьбы в Западной Сибири конца XIX – первой трети XX века (научно-вспомогательные материалы к биобиблиографическому словарю). Омск: Изд-во ОмГУ. 1997. 42 с.
- Корзун В. П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX веков. Екатеринбург; Омск: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральс. ун-та, 2000. 226 с.
- Лантеева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: «Индрик», 2005. 848 с.
- Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2002. 204 с.
- Модестов В. И. Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1884. № 11. С. 288–310.
- Макарова (Недашковская) Н. И., Мягков Г. П. Отец и сын Петровские: два поколения казанской школы славяноведения // Ученые записки Казанского государственного университета Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 62–76.
- Мягков Г. П. Всеобщая история в Казанском университете в XIX – начале XX вв.: проблема формирования научной школы // Историческое знание и интеллектуальная культура. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 242–246.
- Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
- Мягков Г. П., Макарова (Недашковская) Н. И. Отец и сын Петровские: два поколения казанской школы славяноведения. Ученые записки Казанского государственного университета. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 62–76.
- Мягков Г. П., Хамматов Ш. С. «Работать в Казани даже лучше, чем в столицах»: казанский период жизни и творчества профессора В. К. Пискорского // Историки в поиске новых смыслов: Сб. научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А. С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В. Д. Жигунина. Казань, 2003. С. 165–175.
- Мягков Г. П., Хамматов Ш. С. Н. П. Грацианский: путь в науку // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 259–289.
- НА РТ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 70. Л. 33.
- НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2140. Л. 12.

- Недашиковская Н. И.* Опыт деконструкции историографического образа ученого: В. И. Григорович // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун. Омск, 2007. С. 169–180.
- Овсянников А.* Из воспоминаний // Русская старина. 1899. Кн. 5–7. С. 368.
- Петровская М. Н.* О моих предках: документированный рассказ Марианны Несторовны Петровской – ОРРК НБЛ. Ед. хр. 10008, 10009.
- Петровский М. П.* Виктор Иванович Григорович в Казани // Славянское обозрение. СПб., 1892. Т. II (май–август). С. 229–264; (сентябрь–декабрь). С. 57–78.
- Петровский М. П.* Григорович и Прейс // ИОРЯС. 1897. Т. II. Кн. 3. С. 722–744.
- Петровский М. П.* Материалы для славянской диалектологии. Казань, 1866. 124 с.
- Петровский М. П.* Образцы живой славянской речи // УЗКУ. 1864. Кн. II. С. 289–368.
- Петровский М. П.* Отчет о путешествии по славянским землям // Казань, 1862. 10 с.
- Петровский М. П.* Первый ученый труд В. И. Григоровича. Варшава, 1893. 21 с.
- Петровский М. П.* Старинное рассуждение о буквах, сиречь о словах. По рукописям библиотеки Казанского университета. СПб., 1888. 20 с.
- Петровский Н. М.* О двух спорных чтениях в “Поучении” Владимира Мономаха” // ИОАИЭ. 1901. Т. XVII. Вып. 5–6. С. 361–364.
- Петровский Н. М.* К истории сказаний о святых Кирилле и Мефодии // ЖМНП. 1907. № 5. Ч. 9, май, отд. 2. С. 138–158.
- Петровский Н. М.* К хронологии проповедей Григория Цамблака // РФВ. 1903. № 1–2. С. 58–63.
- Петровский Н. М.* Копитарь и “Institutiones linguae slavicae dialecti veteris” Добровского // СПб., 1911. 187 с.
- Петровский Н. М.* О сочинениях Петра Гекторовича (1487–1572). Казань, 1901. 320 с.
- Петровский Н. М.* Первые годы деятельности В. Копитара. Казань, 1906. 757 с.
- Петровский Н. М.* Письмо патриарха Константинопольского Феофилакта царю Болгарии Петру // ИОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 3. С. 356–372.
- Петровский Н. М.* Путешествие В. И. Григоровича в славянские земли // ЖМНП. 1915. № 10–12. Ч. 59, окт., отд. 2. С. 903–262; Ч. 60, нояб., отд. 2. С. 62–131; Ч. 60, дек., отд. 2. С. 205–237.
- Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф.* Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1; Казань, 1885. Ч. 2; Казань, 1898. Ч. 3.
- Ретина Л. П.* Коллективная память и мифы исторического сознания // Сотворение истории. Человек Память Текст: Цикл лекций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 321–343.
- Севастьянова А. А.* Русская провинциальная историография XVIII века. М., 1988. 64 с.
- Снегирев И. А.* Иосиф Добровский, его жизнь, учено-литературные труды и заслуги в области славяноведения. Казань, 1884. 360 с.
- Срезневский И. И.* На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателей славянской филологии. СПб., 1878. С. 1–2.
- УЗ КУ. 1908; НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11564а. Л. 298об.

- Хамматов Ш. С.* Казанский период деятельности Э. Г. Грима (1896–1899) // Античность: история и историки. Межвуз. сб. Казань, 1997. С. 7–12.
- Хамматов Ш. С.* Византиноведение в высших учебных заведениях Казани (XIX – начало XX вв.) // Античность: политика и культура. Казань, 1998. С. 111–117.
- Хамматов Ш. С.* Изучение и преподавание медиевистики в учебных заведениях Казани (XIX – начало XX вв.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2003. 26 с.
- Штергер М. В.* Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX вв. (по материалам Тобольска и Омска). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2003. 26 с.
- Ягич И. В.* История славянской филологии // Энциклопедия славянской филологии. ИОРЯС. Вып. 1. СПб., 1910. 959 с.
- Ягудин Б. А.* Н. А. Осокин и становление казанской школы всеобщей истории. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1998. 228 с.
- Масига V.* Znamení zrodu. Cesko obrozeni jako kulturní typ. Praga: Československý spisovatel, 1983. 540 s.

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и средних веков Казанского (Приволжского) федерального университета; gmuyagkov@yandex.ru.

Недашковская Надежда Игоревна, кандидат филологических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, старший научный сотрудник Казанского (Приволжского) федерального университета; n.nedashkovskaja@mail.ru.